

БЕЗ БАСКАКОВА

Время воспоминаний еще не настало. Еще неосязаема неоправданность, еще инстинктивно тянется рука к телефону: «Владимир Евтихианович, вы, случайно, не знаете...? Вы не помните...?» И все-таки я рискую отдать бумаге эти скорые и сумбурные заметки, которые может дополнить каждый, кто когда-нибудь столкнулся с этим человеком. И должно дополнить... Баскаков знал и помнил, кажется, все. Будь то война, кино, литература, люди... Среди его талантов талант историка стоит первым, потом, наверное, талант психолога. Но это ужеобретение второй половины восьмидесятых, когда его «как реку, суровая эпоха повернула», если говорить словами так чтимой им Ахматовой. То, как справлялся он с этими поворотами рек — предмет особого изумления и восхищения. Но сначала о первом впечатлении, считается — оно самое верное...

Совсем недавно, в декабре Баскаков сам вернул меня к тем блестящим дням начала шестидесятых. Нужна была фотография Жана Марэ к поминальной статье. Прибежала к Баскакову, он дал несколько на выбор. Среди них была одна — заседание жюри третьего Московского кинофестиваля в 63-м году: Марэ, Баскаков, Чухрай, Караганов, Стенли Крамер, Серджио Амеди в день решения московской судьбы феллиниевского «Восемь с половиной». Призовой день для вышедшего из повиновения у ЦК КПСС жюри, день славы для московского фестиваля — больше, чем для неотвратимой славы фильма. Баскакову едва за сорок — строен, красив, значителен. Те годы могущества нашего фестиваля, соперника Канн и Венеции, были годами баскаковского правления. Директор был грозен и вездесущ. Ему были подвластны придворные тайны и суэта повседневных мелочей.

Впрочем, он назидал нас, что в тонком фестивалном деле мелочей не бывает. Мне случилось не однажды попасть под его горячую руку. В английском издании «Спутника кинофестиваля» в интервью, данном мне Сидни Поллак, режиссера обозначили продюсером из-за неточности переводчика. Поллак пытался поднять скандал до уровня МИДа, обратившись с жалобой в американское посольство. Меня вызвали «на ковер» к Баскакову. В приемной в ожидании, расправы я слышала доносящиеся из-за двери громовые раскаты директорского гнева. Набравши воздуха, ступила на пресловутый «ковер». Баскаков молчал. Было страшно. «Извинитесь и напишите снова об этих «Загнанных лошадях...» Я что-то лепетала, мол, все сказано. «Придумайте, фильм позволяет. А человек, — Баскаков развел руками, — не всегда соразмерен режиссеру. Бывает.»

Соразмерность человека своему таланту потом будет нередко занимать Баскакова-писателя, Баскакова-критика. Знаменитого директора Московского фестиваля без преувеличения знал весь кинематографический цвет и свет. Он был домашним гостем семейства Софи Лорен — Карло Понти, Сильваны Мангано — Дино Де Лаурентиса. Каждый приезжавший к нам де-

ятель кино считал для себя необходимым встретиться с Баскаковым. Его энциклопедическая образованность мирила многих великих с его статусом державного чиновника. Помню изумление дерзкого Уоррена Битти после встречи с Баскаковым. Битти готовился тогда снимать «Десять дней, которые потрясли мир». Актер был убежден в абсолютности своего знания предмета. Визит к Баскакову — в ту пору Первому заместителю министра — быстро вышел из рамок протокола, перейдя в многочасовую беседу, в которой, как сказал мне потом Битти, он обнаружил для себя много неожиданного и неизвестного. Беседа слегка сбила его иронию и скепсис насчет советских чиновников.

Имя Баскакова и годы спустя после его ухода с руководящих постов открывало вплоть до сегодняшнего момента доступ к людям кино во всем мире. В новогодние дни с 1972 на 73 год я оказалась в Доме творчества писателей в Дубултах. Мне позвонил снизу из холла Баскаков: «Мы здесь с женой, сейчас зайдем». Появление первого заместителя министра с супругой и вином в номере у аспирантки Института истории искусств показалось мне чрезвычайностью. Я не слышала ничего о каких-либо проявлениях демократизма у столь высокого чиновника. Это было первое потрясение, которое потом мне повезло испытывать много раз, попадая в плен безграничной баскаковской эрудиции. К нему мало подходило слово «обаяние». А звание — да. Противостоять его знанию было трудно, невозможно. И в этом была пленительность общения с ним. Впрочем, в годы его высоких постов такое общение было молодоступным для нас, тогда молодых, взращенных на эйфории «Литературки» 60-х годов, привыкших говорить с начальством без должной дистанции.

В 1973 году Баскакова убрали с поста «первого зама». Было много толкований того момента, сегодня издали очевидно, что при укреплении застоя он оказался не столь уж удобной фигурой. Пожалуй, для этого времени он был и крупноват, и ярковат. Может быть, мешала его влюбленность в кино, неумест-

ность его короткого общения с творцами, его несвобода от магии таланта. Однако его идея создать Научно-исследовательский институт истории и теории кино высшему начальству опасной не показалась. И киноведение, благодаря созданию института, подтвердило свое звание науки. Перейдя в науку, Баскаков остался для меня грозным и властным начальником. Мы, бывало, не разговаривали месяцами. В съезд. Пафос низвержения наших критических столпов на собрании, выбиравшем делегатов на этот съезд кинематографистов, был мне созвучен. После съезда Баскаков сказал мне мимоходом: «Я слышал, ты вместе со своими подругами (и он назвал двух известных критиков) хотела меня провалить на выборах». И в ответ на мое молчание: «Значит, не сплетня». Это неприличное «ты» означало, что он снисходительно простил.

Не так уж много времени потребовалось для осознания, что и мы, и наше кино счастливее не стали. (А тогда, борясь со временем, олицетворенном в начальственных постах, думали — станем.) Новый секретариат Союза кинематографистов решил сменить и руководство Института. Вот тут-то обнаружился человеческий масштаб Баскакова. Он не только спокойно принял этот удар, но и обрадовался Алесю Адамовичу — писателю, написавший прекрасные книги о войне — это было для Баскакова достаточно для пиетета. Могущественный Баскаков остался в Институте рядовым сотрудником, стараясь всячески помочь новому директору. Масштаб личности Адамовича тоже позволил ему, анти-чиновнику, безревно-стно сосуществовать рядом с Баскаковым. Это было особо заметно на фоне приведенного Адамовичем «зама» — человека закомплексованного, чуждого кино, выпускника партийной академии, с яростью бросившегося на «пламенных коммунистов» военного поколения. И опять Баскаков удивил. В нем не было ни тени злобы или мстительности к его гонителям, очень быстро обнажившим свою научную и человеческую несостоятельность. Мстительность, считал он, — привилегия плебеев. Он был рода ленинградских интеллигентов. Поражали его руки

— редкостного благородства. Баскаков относился к нападкам с легким юмором, а ругательством служило лишь емкое слово «темный». С высоты своей образованности он будто жалел «темных» — им ведь столько не известно, столько не интересно. Жить интересно стало роскошью Баскакова, свободного от постов.

Однажды он подошел ко мне и сказал, что хочет работать в нашем новом секторе документального кино. Я была ошеломлена. Пятнадцать лет тому назад он поломал мне годичную стажировку во французском ИДЕКЕ — Высшей школе кинематографии, искренне считая, что для кандидатской диссертации по документальному кино столько знаний не потребуется. А теперь Баскакову самым интересным представляется наше скромное документальное кино! Мы очутились за каменной стеной его опыта, его знания. Он преподавал мне азы чиновничьей грамоты — вовсе не бесполезные. Его приход был самым щедрым подарком, который могла отпустить судьба нашему молодому сектору. Мы гордились им, ведь он принадлежал к уходящему поколению журналистов-фронтовиков, и с годами все отчетливее видно величие этого поколения. Баскаков всегда баловал нас, вынимая из портфеля что-нибудь вкусное, а еще баловал своей щедростью редактора, первый берясь за очередную рукопись. Его коньком был биографический фильм, курбеты жанра применительно ко времени. А еще баловал своими потрясающими рассказами, которые мы беспечно не записывали. Больше десяти лет мы жили дружно и радостно. Казалось, этому не будет конца. Накануне Нового года он принес в отдел кадров института список своих книг, статей, фильмов. И эту фотографию, снятую в пору его директорства здесь, в институте, улынувшись Ольге Шарендо: «Эта моя посмертная. А то вдруг потребуется, а у вас и нет... Позвонил мне в Новогоднюю ночь как-то торжественно по имени-отчеству: счастлив работать в нашем секторе». Именно «в нашем». И добавил: «Пожалуй, я поеду на фестиваль в Госфильмофонд». Собирался написать статью для «Независимой газеты» — «ее читают».

Ранним утром тринадцатого января меня разбудил телефонный звонок беды...

На кладбище всегда витает дух сиротства. Мы уходили с Ваганькова, когда Лев Рошаль вполголоса прочитал ахматовские стихи:

*«Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсть ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!»*

Почему-то не так давно мы эти строки вспоминали с Баскаковым. Я тогда запнулась, и Баскаков подсказал:

*«И тихо, так, господи, тихо,
Что слышно, как время идет».*

...Баскаковский институт, двадцать пять лет видевший своего основателя, должен теперь учиться жить без него.

Галина ДОЛМАТОВСКАЯ

